

«Один раз я установил мышеловку у себя дома, под раковиной. Приманкой служила мятная жвачка. Ничего другого, достойного называться едой, в моей комнате не нашлось...

На третий день утром мышеловка сработала. В нее попала молодая крыса цвета свитера из кашмирской шерсти, какие кучами навалены в лондонских магазинах беспошлинной торговли. По людским меркам ей, наверное, было лет пятнадцать или шестнадцать. Трудный возраст. Огрызки жвачки валялись у нее под лапами».

Такие дела — рефрен Воннегута подходит. Не скажу, что длиннохвостый тинейджер из андеграунда, склеенный мятной жвачкой, есть портрет читателя романа. Зато герой носит серый кашемировый свитер, продранный под мышками, и кучкуется в капкане Большого Города. «Целых пятнадцать лет я был занят тем, что выкидывал все и вся. ...И взамен почти ничего не получал», — говорит о себе герой.

Процесс расставания со всем и вся закончился для него в ночь смерти бабушки.

...Вот этот контрапункт мятной жвачки и манны небесной, виртуального рациона и духовного голода — самое притягательное.

Харуки Мураками, так справедливо заметивший, что, ныне зло делится на модное зло и немодное зло, добро — на модное добро и немодное добро, на добро в стиле «хип» и добро в стиле «кул», попал в России-2002 в разряд модного добра. Оно, добро Мураками, — само по себе вроде в стиле «хип», но на читателя смотрится улетно — как добро в

стиле «кул». Его уже начали невинно подделывать — как прет-а-порте престижных линий. Во всяком случае, том романов, вышедших в народно-общественно-транспортном (до самого недавнего времени) издательстве «ЭКСМО», по дизайну, шрифту и нестандартному формату стилизован под издания высококобой петербургской «Амфоры», открывшей автора «Охоты на овец», русскому читателю.

«Слушай песню ветра» (1979) и «Пинбол 1973» (1983) напрямую предшествуют «Охоте» и «Dance, dance, dance...». Те же сквозные герои, бунтари и троечники университета Васэда — Крыса и Рассказчик, будущий постоялец отеля «Дельфин» на Хоккайдо, будущий представитель в людском сообществе Человека-Овцы.

АЗЪ И ВООК'И

ДОБРО В СТИЛЕ «ХИП»

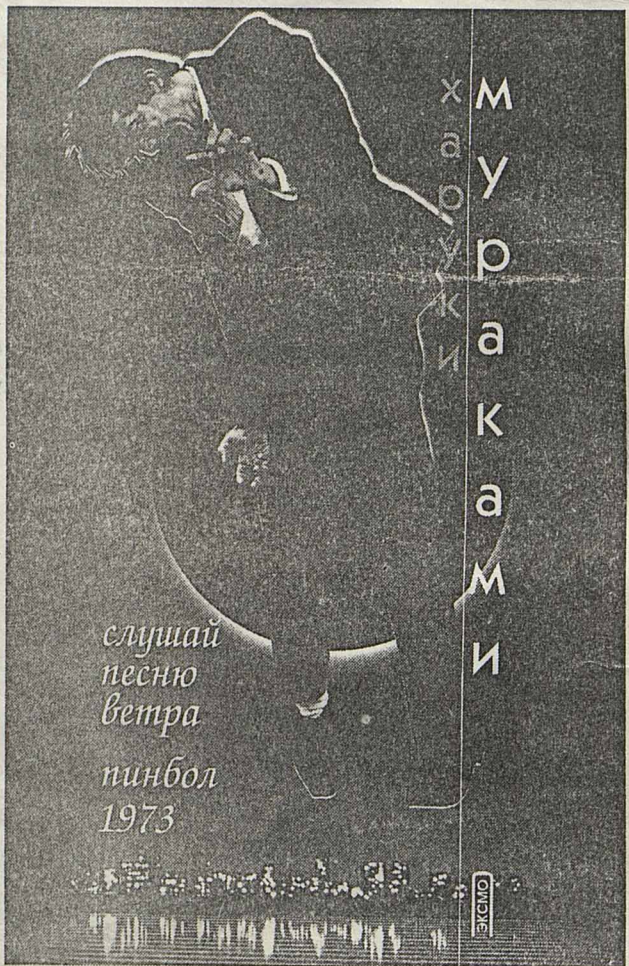
Могучий, как Полифем, кроткий, как отшельник из буддийских обителей или из пустынь Фиваиды, Человек-Овца (как уже известно широкому читателю) сидит в теплой тьме на чердаке отеля хай-класса, чтобы хранить все настоящее и по мере возможностей подключать к стеклянному, кислотному, цифровому и глянцевому миру, к легким галлюцинациям реклам и киноэкранов вечернего мегаполиса.

В ранних романах Мураками герои пытаются осуществить ту же коммутацию сами. Ласковый психоаналитик предлагает им заменить старые, унаследованные от предков тяжелые и ржавые души на новенькие, легкие и прочные, весьма удобные в эксплуатации. Весело диджествует молодежное радио, рассылая рекламные майки и раскручивая старые калифорнийские песенки. Судя по всему, радио служит у ласкового психоаналитика подсобным медицинским персоналом.

Но новенькие, легкие, удобные в эксплуатации души не снабжены противоударными и водоотталкивающими устройствами. На радио приходит письмо от парализованной девочки, мечтающей один раз дойти до порга по утренней улице, чтобы понять, почему мир устроен так. Если бы поняла, сумела бы вытерпеть и пожизненную неподвижность. А пока девочка просит поставить для нее песню Элвиса Пресли «Удачи тебе, моя прелесть».

И ошалевший диджей программы «Попс по заявкам» грузит публику судьбой девушки из отделения безнадежных: «Исполним заявку... А после того, как закончится песня, я снова на один час и пятьдесят минут стану собакоподобным комиком».

В романе «Пинбол 1973» герой Мураками продолжает попытки подключить утиль цивилизации к высокому напряжению культуры. Поиски устарелого трехфлипперного игрового автомата «Ракета» сродни поискам философского камня. Невостребованная любовь, невостребован-

ная привязанность к игрушкам ведут дитя Большого Города в драмон кашемировом свитере по токийским свалкам.

И встреча героя со старым игровым автоматом стоит лучших страниц «Охоты».

«В годы моего студенчества сам воздух, казалось, сочился идеализмом, антивоенными настроениями, контркультурой... Но уже к началу 70-х со всем этим было покончено. И тогда я понял, что надежности нет ни в чем. ...И я начал записывать то, что чувствовал обо всем этом мире», — говорит Мураками в интервью, вошедшем в сборник.

Вероятно, это чувство и объединяет японского Воннегута 1970-х, ушибленного ковровой бомбежкой рекламных клипов, и его новых русских читателей.

Харуки МУРАКАМИ
«Слушай песню ветра»,
«Пинбол 1973». Романы.

Пер. с японского
В. Смоленского. —
М.: ЭКСМО, 2002. —
302 с.